

ИССЛЕДОВАНИЯ ДИССЕРТАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Аннотация: В статье представлен обзор развивающегося направления в истории исторического знания – истории диссертационной культуры отечественных историков. Начиная с формирования в начале XIX в. системы научной аттестации, включающей в себя защиту квалификационной работы (диссертации), защиты стали одной из базовых составляющих отечественной науки, а также академической карьеры почти любого ученого, и остаются таковой по сей день. В XXI в. всё больше и больше исследователей обращаются к данной тематике, что позволяет судить о наличии сформированного тематического поля, включающего в себя как диссертационную культуру историков Российской Империи, так и советскую, и современную.

Ключевые слова: Диссертационная культура, историческое знание, историческая наука, история историков.

Об авторе: Яковлев Матвей Евгеньевич, аспирант исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук. Москва, 119049, Мароновский переулок, 26. mattyakovlev@gmail.com.

Исследования диссертационной культуры – новое направление междисциплинарных исследований, зародившееся в текущем столетии. XXI век – время довольно сложное для подготовки научных кадров. Это заметно хотя бы по статистике. В 2000 г. из 24 828 выпускников аспирантуры только 7 503 защитили диссертации; В 2010 году из 33 763 – 9 611; в 2015 году из 25 826 – 4 651; спустя год, из 25 992 – 3 730 [26:5]. Таким образом, если в начале века защищался каждый третий аспирант, то во втором десятилетии – уже каждый пятый или даже каждый седьмой. В аспирантуре становится удобно «числиться» – с 2014 г. аспирантура стала третьей ступенью высшего образования, а, значит, закончивший её аспирант по фак-

ту получает третий диплом о высшем образовании, право преподавания и возможность соответствовать квалификационным требованиям при трудоустройстве в НИИ. Кроме этого, аспирантура дает освобождение от армии на время обучения.

Е.С. Мироненко отмечает, что даже из защитившихся кандидатов наук менее половины работают по специальности [26:5]. Более того, на XI съезде Российского союза ректоров было указано: «...дипломы вовремя защищают лишь 14% аспирантов, а научная ценность многих кандидатских и докторских диссертаций сомнительна» [31]. В таких условиях исследования диссертационной культуры становятся крайне актуальными и приобретают несомненную социальную значимость. Наша статья, собственно, представляет собой некоторые результаты изучения в проблемном ракурсе отечественной историографии по этой теме.

Впервые о проблемах диссертационной культуры было заявлено в работах челябинской школы историков – Н.Н. Алеврас и Н.В. Гришиной. Само понятие «диссертационная культура» впервые применено Н.Н. Алеврас в 2010 г. [1:266-268] и конкретизировано в статье 2014 г. Под диссертационной культурой понимается совокупность организационно-нормативных процедур, традиций и ритуалов, осуществляемых научно-образовательными институтами, экспертным сообществом и заинтересованными претендентами на достижение научного статуса, направленных на получение научно-исследовательского продукта (произведения), соответствующего принятым квалификационным требованиям и нормам профессиональной сертификации.

Это понятие, в его краткой дефиниции, включает весь спектр явлений, связанных с движением соискателя к защите диссертации. Оно может быть применено к любому периоду истории исторической науки, начиная с опыта реализации первого университетского устава (1804 г.) и

специального положения (1819 г.), которое определяло условия получения ученых степеней» [2:111-120].

С именем Н.Н. Алеврас связана также реактуализация в современном академическом дискурсе диссертационного корпуса как заслуживающего анализа типа источников.

Обзоры диссертаций на соискание степени доктора наук уже проводились, правда, не в исторических специальностях. М.В. Загидуллина провела тематический анализ диссертационных исследований по специальности 10.01.10 (Журналистика) [14:83-90]. Здесь же мы обратим дополнительное внимание методике анализа М.В. Загидуллиной, потому что она во многом сходна с избранной нами – статистика защит, географический и тематический маркеры. Хотя, конечно, формат статьи на восемь страниц для анализа 98 диссертаций не вполне удачен, но тем не менее, это добротное обзорное исследование. Спорным нам представляется решение дать полный перечень 60 позиций соответствующих специальности областей исследования и, при этом, не опубликовать список изучаемых работ, что позволило бы читателю статьи познакомиться с этими данными. Статья Е.А. Попова «Современное состояние философской науки в диссертациях» [29:136-145] содержит интересную аргументацию специфики диссертаций как уникального источника, лучше всего помогающего отразить «палитру интересов» ученых на статистическом уровне. Е.А. Попов составил четырехлетнюю выборку (2014 – 2018 гг.) с фокусом на диссертации 2016–2017 гг. Получилось 939 диссертаций, при объеме статьи в 10 страниц и лишь 26 диссертаций в примечаниях, что неизбежно придает статистическим частям работы обзорный характер, а аналитическим – выборочный. Опять же, отсутствие полной выборки делает исследование Е.А. Попова не всегда верифицируемым. Тем не менее, мы благодарны авторам этих статей за предпринятые ими попытки, поскольку на их основе мы смогли осмыслить нашу собственную методику анализа диссертаций.

Применительно к историческим специальностям имеется три работы. А.А. Пронин обобщил сумму диссертационных исследований по истории русской эмиграции за 1980–2005 гг. [30]. Д.А. Огнев проанализировал диссертации по отечественной истории, защищённые в Томском государственном университете в 2012–2017 гг. [27:178-186]. Наконец, О.В. Воробьева и О.Б. Леонтьева опубликовали обзорные статьи, посвящённые диссертационным исследованиям по истории в 1995–2015 гг. [9:200-205; 20:159-205].

Приближенный к современному вид диссертация на соискание ученой степени приобретает во второй половине XIX в., точнее – практически на рубеже столетий, до тех пор диссертация представляла собой небольшое реферативное произведение, напоминающее эссе – и служила заключительной частью письменного экзамена соискателя, предварительно ответившего на определенное число вопросов и прочитавшего на факультете определённое число публичных лекций [3:59-62].

Сама система учёных степеней появилась в России по историческим меркам недавно – в начале XIX в. [4:63]. Первое «Положение о произведении в ученые степени» в России относится только к 1819 г. Эта система была четырехступенчатой, степени отличались по большей части по тому, какому чину в «Табели о рангах» соответствовали. Так, студент окончивший курс, но не пожелавший держать экзамен на степень кандидата (не требующую диссертации – только устный и письменный экзамен), мог поступить на службу XIV классом (Коллежский регистратор), выдержавший кандидатский экзамен – уже XII классом (Губернский секретарь). Диссертации возникали на двух высших степенях – «Магистра» и «Доктора», позволяющих претендовать соответственно на IX (Титулярный советник) и VIII класс (Коллежский асессор) [4:64].

В пределах же университетской среды существовало два типа преподавателей – профессор и адъюнкт, первая должность требовала степени доктора, а вторая – маги-

стра. Это было закреплено как квалификационное требование в 1835 г., до этого магистры лишь пользовались правом преимущественного зачисления на вакантные должности адъюнктов [4:65].

Наконец, степень доктора давала право на потомственное дворянство – степень магистра давала право на дворянство личное. Степень кандидата первоначально предполагалась в качестве элемента подготовки учителей гимназий, позднее она будет давать почетное гражданство. А.Ю. Андреев видит в такой связи с «Табелью о рангах» учёных степеней главную причину отличия отечественной системы учебных степеней от европейской практики присвоения единственной степени «доктора» без каких-либо особых прав и чинов [4:68].

Таким образом, на раннем этапе существования учёных степеней, диссертация наравне с публичными лекциями имела исключительно экзаменационный характер и сопровождала скорее продвижению по социальной лестнице, чем собственно профессиональному росту. Известный пример – А.С. Грибоедова, зачисленного в университет в возрасте 11 лет, а выдержавшего экзамен с присвоением степени кандидата в 13, ясно показывает, что система ещё пока только формировалась – протекция и родовитость были куда важнее формальных экзаменов, которые могли и вовсе не проводиться [4:70]. Случались на начальном этапе развития системы учёных степеней и курьёзные присвоения степени доктора, минуя все остальные, без экзаменов и даже вовсе заочно. В 1815 г. Московский университет таким образом вручил степень доктора сыну одного барина, причём соискатель, находясь в Петербурге, даже не потрудился приехать. Даже вполне настоящие ученые часто получали степени с интервалами в год или два – А.Ю. Андреев связывает это явление с тем, что государство желало поскорее сформировать поколение русских профессоров, которые избавили бы его от необходимости приглашать иностранцев для преподавания [4:66]. «Положение в производстве в ученые степени» 1819 г. уста-

новило минимальные промежутки между присуждением степеней и закрепило обязательное их последовательное получение, а также квалификацию степеней по наукам – именно тогда впервые появилось сочетание «доктор исторических наук».

Н.Н. Алеврас считает, что только к середине XIX в. диссертация приобретает монографический характер и только к концу века становится своего рода «эталонным» научным исследованием, индикатором способностей и научного мастерства соискателя, а также проявлением представлений академического сообщества о принципах исторического исследования[3:62].

Самих диссертаций по истории было не то чтобы много – например, в 1811–1840 гг. в российских университетах защищены всего 20 диссертаций на соискание степени доктора или магистра истории, в 1841–1880 – 109, 1881–1917 – 153[3:60]. Для сравнения – в Российской Федерации в 2014–2020 гг. было защищено 305 диссертаций на соискание одной только степени доктора исторических наук (данные наши – *М.Я.*), что превосходит число диссертаций по истории, защищённых в Российской Империи с 1811 по 1917 гг.

Наряду с вышеупомянутыми авторами нельзя не отметить вклад К.А. Ильиной – в частности, ее статьи о культуре рецензирования диссертаций [15:36-49] и развитии академической экспертизы и цензуры диссертаций в императорской России [17:15-24]. Особенно интересен тезис К.А. Ильиной о неэффективности государственной цензуры диссертаций, иллюзорном характере и внутренней слабости мер, с помощью которых государство пыталось оградить ученое сообщество от вольнодумства [17:23].

Также К.А. Ильина провела два весьма интересных разбора конкретных защит [16:73-80; 18:169-187], продемонстрировав траекторию академических карьер и адаптацию (или сложности в адаптации) учёных к меняющимся университетским уставам.

О диссертационной культуре в советский период мы знаем тоже благодаря «Челябинской школе». Н.В. Гришина раскрывает [11:88-98] перед нами широкую панораму диссертационной культуры 20-х годов XX в. В 1918 г. ученые степени были отменены, ученые испытывали сильную дезориентацию и по инерции подавали в университетские советы просьбы о рассмотрении их диссертаций. Некоторые университеты на свое усмотрение и вовсе проводили единичные защиты. С 1921 г. Петроградский университет и с 1922 г. Московский начинают на систематической основе проводить диспуты для «повышения квалификации», что формально не было запрещено – и все же эти «не-защиты» проводились, как правило, в очень узком кругу с минимальной документацией и остались в основном в воспоминаниях и мемуарах современников. Иногда проведение защиты необходимо было диссертанту для формального обоснования будущих претензий на определенные профессиональные позиции в эмиграции.

С 1925 г. начинается формирование советской аспирантуры – аспирантские диссертации пока не дают ученую степень, но предоставляют право преподавания. В дальнейшем, после введения ученых степеней, аспирантские диспуты будут засчитаны в качестве защит, и диссертанты получают ученую степень автоматически [11:96].

Что примечательно – неформальные диспуты для «повышения квалификации» исчезают не сразу. Например, в 1928 г. на такой диспут идёт В.В. Струве, на тот момент уже признанный учёный, профессор, сотрудник Эрмитажа. Но эти диспуты уже не имеют квалификационной функции [11:96].

О.В. Метель раскрывает [24:98-109] иную сторону диссертационной культуры 20-х XX в. Уже с 1918 г. в рамках Социалистической академии общественных наук возникает институт членов-соревнователей – работающих под руководством академического состава для подготовки к званию профессора и занятию наукой. При этом стать членом-соревнователем мог любой человек, желающий изу-

чать научный социализм и обладающий знаниями в этой области. На предмет выяснения данных условий проводился вступительный colloquium.

Члены-соревнователи избирались на два года, получали стипендию и каждые полгода отчитывались о научной деятельности. В 1918 – 1919 гг. таких членов-соревнователей было около двадцати.

В 1919 г. происходит реорганизация Социалистической академии – теперь она состоит из действительных членов и научных сотрудников. Последние приписаны к определенному подразделению и, наряду с изучением отдельных предметов под руководством действительных членов, обязаны участвовать в коллективных исследованиях подразделений. В 1924 г. Социалистическую академию переименовывают в Коммунистическую, а её образовательной функцией становится подготовка кадров в области теории марксизма-ленинизма. Аспирантов же как таковых по большей части готовят институты РАНИОН (Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук) и ИКП (Институт красной профессуры). В 1929 г. РАНИОН и ИКП объединяют с Коммунистической Академией – причём на аспирантов уже возлагается обязанность ведения работы над диссертацией. В то же время параллельно аспирантов обязуют преподавать, нести партийную и общественную нагрузку, посещать семинары по общим и специальным предметам, проходить практику на заводе или в ином учреждении, участвовать в коллективных исследованиях, в военных занятиях... В результате, собственно, научная работа занимала меньшую часть времени аспиранта. Постоянные перегрузки приводили к массовым проблемам со здоровьем и постоянным срывам учебного плана.

А.М. Скворцов, разбирая [33:296-310] кейс защиты докторской диссертации А.В. Мишулиным, приводит ряд наблюдений касательно советской диссертационной культуры 30-х гг. XX в. В 1934 г. возрождается система учёных степеней (теперь обновлённая), а вместе с ней порядок

защиты диссертации, при сохранении возможности получения степени без защиты – по совокупности трудов (под которыми понимались учебные пособия, монографии и статьи).

Л.А. Козлова подсчитала, что в 1934–1936 гг. из 345 соискателей только 67 историков проходят процедуру защиты, а остальные получают степень «по совокупности» [19:145-158]. А.М. Скворцов видит в этом исключительно проявление nepотизма и коррупции [33:298], но мы можем сказать, что, вероятно, такое положение было обусловлено, по крайней мере отчасти, указанным выше явлением неформальных диспутов – из 345 соискателей часть наверняка прошла такие в 20-е гг. На это указывают и данные А.М. Скворцова, подтверждающие, что с конца 30-х присвоение степени без защиты становится скорее редким исключением, а также, что герою его статьи, А.В. Мишулину, уже зачли защиту диссертации в 1930 г., и в 1935 г. это решение стало основанием для получения степени кандидата наук без проведения повторного диспута [33:304-305].

На этот характер «беззащитных» соискателей указывает и А.А. Мировщикова [25:110-119], разбирая кейс присуждения степени без защиты С.Я. Лурье – квалификационная комиссия при Академии Наук СССР получила задачу составить список тех, чьи заслуги позволяют присвоить им степень без защиты. С.Я. Лурье подавал прошение о защите диссертации ещё в 1922 г., но «по неизвестным причинам» [25:117]¹ защиты не было. Как бы то ни было, на момент присуждения степени доктора, Лурье был автором более 80 научных трудов и признанным специалистом в своей области.

На рубеже 20-х – 30-х гг. меняется и характер научной экспертизы – уменьшается роль научной дискуссии и научной критики, происходит стремительная формализация научной жизни. Н.В. Гришина относит к 1928 г. зарождение «шаблонно-сравнительного метода историографической

¹ Здесь Мировщикова ошибается – на самом деле по вполне понятным причинам, связанным с отменой учёных степеней вообще.

оценки» [12:53] – наличие определенных терминов и марксистских цитат становится поводом для характеристики работы как правильной и идейной. Такой метод оценки наряду с описанными выше реформами Коммунистической Академии и РАНИОН возникает как реакция на фактическое неформальное возрождение дореволюционных форм работы с молодыми научными кадрами и стремительную «демарксизацию» аспирантов, не решаемую «простой чисткой». К 1928 г. относится тотальная проверка аспирантов «тройками» на отнесение их к марксистам.

Разбирая кейс защиты Н.М. Дружинина (1929 г.), Н.В. Гришина приводит «Заключение квалификационной комиссии», содержащее пункт «Методологическая оценка диссертации и заключительного слова». Для Н.М. Дружинина защита с характеристикой «методологически(й?) эклектик и определённо немарксист» ещё оказалась возможна, хотя основной критике был подвергнут именно немарксистский характер работы. Однако, уже в 1929 г. такая характеристика из трёх заключительных пунктов «Предоставление диссертанту прав» дала лишь право на научно-исследовательскую работу в НИИ, но не право на преподавание и самостоятельную научную работу в ВУЗе[12:51]. В 1930 г. последовал арест. В 1933 г. Дружинин решается опубликовать свою работу, на сей раз серьёзно её переработав и «марксизировав» в духе новорожденного советского догматизма.

Нельзя не упомянуть также работу А.Л. Юрганова об историках эпохи сталинизма [37]. Автор крайне критически оценивает роль марксистско-ленинской методологии в развитии исторической науки в России, считая, что советские историки занимались тем, что пытались согласовать друг с другом буквально все мнения классиков марксизма. «Египетский плен идеологии» – бесспорно стилистически яркая характеристика, и таких стилистических находок в книге Юрганова очень и очень много.

В.В. Сашанов, исследователь советской византистики, приводит в пример [32:172-176] сложности проблемы

диссертационной культуры 30-х–40-х гг. XX века речь, произнесенную на заседании ученого совета Института Истории АН СССР Е.А. Косминским в 1946 г. Он считал, что формализация защиты свела на нет культуру академической дискуссии – диссертант уже не должен был доказывать каждому из оппонентов свою правоту или признать свою неправоту, а, напротив, мог обойти некоторые вопросы. К тому же оппонент, в отличие от времён Российской Империи, имел на подготовку отзыва уже не полгода, а порой крайне сжатые сроки. На том же заседании, Б.Д. Греков также сетовал на формализацию процесса защит, вплоть до того, что оппоненты часто пролистывают диссертации, а в отзыве делятся лишь своими впечатлениями. Пожалуй, можно согласиться с В.В. Сашановым, считающим, что подобные выступления и прямое обращение к дореволюционному опыту было возможно только по причине «относительной свободы первых послевоенных лет» [32:173].

Но для нас выступления Косминского и Грекова ценны ещё и как факты профессиональной рефлексии исторического сообщества, существующей потребности в рецепции академического опыта имперского периода. Потребность эта, впрочем, оказалась неудовлетворенной – вплоть до наших дней сохраняется именно тот формальный порядок защиты, который так критиковали Косминский и Греков.

Послевоенная диссертационная культура обладает своими уникальными чертами, лучше всего отмеченными А.В. Хорошенковой [34:155-160; 35:561-570].

В 1945 г. в ВУЗах страны констатируется сильнейший кадровый недобор. Наркомпрос выпускает ряд приказов, например, освобождая студентов, преподавателей, научных сотрудников и лаборантов от призыва в армию, требуя от ВУЗов предоставить преподавателям все условия научной деятельности – командировки, межбиблиотечные каталоги и др. В 1946 г. серьёзно повышены оклады преподавателей ВУЗов, которые стали одними из самых больших в стране, были значительно подняты стипендии студентам и аспирантам. Аспиранты получали стипендию на уровне

средней заработной платы в стране. Как итог уже в послевоенное пятилетие из аспирантуры выпущено 16,3 тыс. человек [35:564].

В 1947 г. секретарю ЦК ВКП(Б) Г.М. Маленкову направляется письмо руководителей высшей школы с указанием на серьезнейший кадровый дефицит, в том числе – 517 специалистов по общественным наукам. В тот момент в стране работали 5 370 профессоров, 13 860 доцентов, 47 870 преподавателей без учёного звания – и только 10% от общего числа специалистов были молодыми учеными. При этом в стране были только 4 112 докторов наук и 15 814 кандидатов наук [35:564].

Кадровый дефицит побуждает принять меры. Следует разрешение прикомандирования научных работников к ВУЗам и научным учреждениям для завершения работы над докторской диссертацией. В 1947 г. принято решение и об обязательном оформлении к работе авторефератов. В 1948 г. вводится одногодичная аспирантура для преподавателей ВУЗов и учителей школ, желающих защитить кандидатскую диссертацию. В 1949 г. происходит реформа аспирантуры – устанавливаются отбор тем аспирантов, педагогическая практика и персональное распределение. Кроме того, становится возможным соискательство – преподавателям ВУЗов разрешено прикрепляться к кафедрам для сдачи кандидатских экзаменов и защиты диссертации без отрыва от производства [35:566].

В 1950 г. в стране было уже 5 000 докторов наук, а общее число преподавателей выросло на 15 000 человек – но, несмотря на позитивные подвижки, проблема не была решена [35:565].

На XIX съезде КПСС в 1952 г. указывалось, что 50% преподавателей даже не имеют ученой степени. Только 13 заведующих кафедрой на страну имели степень доктора наук [35:564]. В МГУ было 3 кафедры марксизма-ленинизма – и всего 2 доктора наук. Как итог, мы видим постоянный рост числа аспирантов: в 1950 г. в стране было около 22 000 аспирантов, в 1955 – уже 29 500. А вот число аспи-

рантов-историков заметно падает – в 1950 г. их было 2 607 человек, а в 1959 – уже 1 013 [35:566]. В 1956 г. введено правило об апробации исследования – защита диссертации разрешена только после публикации её основных положений в виде статей или монографий. Также научным работникам разрешены шестимесячные творческие отпуска для завершения докторской диссертации. Ко всему, за 50-е гг. был резко (на 70%) увеличен набор в ВУЗы – с 349 тысяч человек до 593 тысяч [35:565].

Разбирая диссертационную культуру второй половины XX в. на примере университетов Поволжья, А.В. Хорошенкова отмечает прежде всего бурный рост среди них исследователей истории СССР – в 1947 г. в СССР защищено 111 работ по советской истории, но с 1950 г. ежегодно защищается не менее 250 работ [34:155]. В 1954 г. появилось 530 новых кандидатов исторических наук, защищавшихся по истории СССР – для сравнения, за весь период до 1951 г. включительно было защищено всего 702 кандидатских диссертации по истории СССР [34:155]. Напротив, до 1951 г. по дооктябрьской истории было защищены 899 кандидатских диссертаций. Также в 1940 – 1952 гг. из 228 защищенных диссертаций на соискание степени доктора исторических наук только 20 касались советской истории. Только в 1953 – 1955 гг. по истории советского периода защитили докторские диссертации 40 соискателей. Это существенный перелом в развитии советской науки – история СССР становится ведущей тематикой исследований.

Такой перелом, конечно, не возник случайно – речь о целенаправленной политике партии, направленной, с одной стороны, на стимулирование учёных к занятию историей СССР, а с другой – к написанию докторской диссертации. А.В. Хорошенкова приводит в пример Саратовский государственный университет, где долгое время отсутствовали доктора исторических наук, что стало основанием для временного закрытия аспирантуры и побудило ряд преподавателей защитить диссертации [34:156]. В СГУ же ректорат стабильно критиковал «слабое место факультета» – недо-

статочное внимание к истории СССР. Вероятно, нечто подобное происходило и в других ВУЗах.

Ещё один интересный тезис связан с взятой установкой на развитие краеведения, по выражению А.В. Хорошениковой «объединившего всех исследователей региона» [34:159]. Собрав крайне интересные данные, А.В. Хорошеникова всё же отмечает, что в столь жестких тематических рамках и при господстве марксистско-ленинской методологии осуществить глубокие и всесторонние научные исследования было крайне трудно. Даже историки послевоенного поколения оказались перед необходимостью «осмысливать концептуальные изменения, появившиеся в советской науке в годы Оттепели» [34:159].

В другой статье А.В. Хорошеникова пишет ещё более прямо – «даже в этот наиболее благоприятный (1950-е гг. – *М.Я.*) период в высшей школе видны были источники её будущей деградации как общественного института: снижение общего уровня преподавательского состава после ухода старшего поколения, отсутствие серьезного и глубокого обсуждения общетеоретических вопросов. Наиболее очевидно это было в отношении уровня научной работы. Увеличение числа защит диссертаций сопровождалось явным ухудшением их качества, особенно при защите докторских диссертаций» [35:563].

Диссертационная культура 90-х гг. прошлого столетия – тема пока малоизученная и ещё только ожидающая своих исследователей. Характеризуя основные тенденции первой половины 90-х, Е.Б. Заболотный и В.Д. Камынин указывают: «Среди представителей исторической науки официальную поддержку получали лишь те, кто придерживался либеральных взглядов, настаивал на применении цивилизационного подхода к истории, объяснял советскую историю с позиций теории тоталитаризма» [13:121].

Весьма полезным оказалось для нас исследование Л.Р. Хут [36:1-702], в частности, содержащее в себе ценную информацию и о диссертационной культуре соответствующих периодов.

Нельзя не упомянуть вклад в исследование данной темы О.Б. Леонтьевой, написавшей ряд статей, посвящённых современной диссертационной культуре [20:159-205; 21:166-169; 22:67-75; 23:4].

Нельзя не отметить также многолетнюю работу Г.А. Бордюгова во главе АИРО XXI, в 1996 [5], 2003 [6], 2011 [7] и 2013 [8] гг. издавшего сборники статей за авторством крайне широкого числа исследователей – эти сборники посвящены актуальному состоянию исторической науки на момент издания и потому служат для нас бесценным срезом.

Современное сообщество историков меняется – особенно ярко это отражено в коллективной статье «Научное сообщество историков России: 20 лет перемен», в 2011 г. приуроченная к двадцатилетию распада СССР [28:3-32]. П.Ю. Уваров указывает, что с одной стороны в России наибольшая в мире доля историографов (историков науки), но с другой – их интерес в основном лежит в области изучения признанных классиков или зарубежной исторической науки, в то время как «анализа нашей современной историографической ситуации остро не хватает. В западных странах интроспекция, т.е. отслеживание состояния своей современной историографии, играет важную роль. У нас же о ней вспоминают чаще всего либо по какому-нибудь скандальному поводу, либо при написании заказных рецензий» [28:4]. Трагедию молодого учёного рисует В.В. Тихонов – трагедию неопита, который попав в историческую науку, сталкивается с «борьбой различных групп на влияние в профессиональном сообществе... (...) Всё бы ничего, но проблема в том, что старшие коллеги зачастую требуют, чтобы молодой учёный обязательно определился – с кем он. А тот не всегда понимает: почему нельзя с кем-то сотрудничать, обмениваться идеями, просто общаться и т.д. Даже суть конфликта ему далеко не всегда ясна. Приходилось неоднократно слышать рассказы о том, что молодого историка «топили» уже за то, что он имел несчастье быть

когда-то чьим-то аспирантом или работать в том или ином учреждении» [28:18].

Подводя небольшой итог, можно констатировать открытие современной отечественной исторической наукой диссертаций по истории в качестве особой группы исторических источников, равно как и постепенное формирование методики работы с источниками такого типа. Особенно примечательно, что исследовательский интерес вызывают квалификационные работы, созданные на протяжении XIX–XXI вв. – то есть всего существования в России системы научной аттестации в виде защиты диссертации. С годами число работ по данной тематике и исследователей, обращающихся к ней, растёт, однако, отсутствуют монографии, обобщающие информацию, уже собранную историками, изучающими диссертационную культуру Российской Империи, СССР и РФ. Появление таких монографий видится нам делом исторически ближайшего будущего.

Литература

1. *Алеврас Н.Н.* Диссертационная культура российских историков второй половины XIX-начала XX в.: поиск национальных особенностей / Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришина // Национальный /социальный характер: археология идей и современное наследство, Нижний Новгород, 30 сентября – 02 октября 2010 года / Институт всеобщей истории РАН, Общество интеллектуальной истории, Нижегородский госуниверситет, Нижегородский госпедуниверситет. Нижний Новгород: Институт всеобщей истории РАН, 2010. С. 266–268.
2. *Алеврас Н.Н.* Диссертационная культура как историографический концепт / Н. Н. Алеврас // Уральский исторический вестник. 2014. № 4(45). С. 111-120.
3. *Алеврас Н.Н.* Диссертация по истории как источник: процесс идентификации статуса диссертации как научного сочинения (XIX – начало XX в.) / Н.Н. Алеврас // Актуальные проблемы источниковедения: материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского пра-

ва, Витебск, 20–21 апреля 2017 года. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2017. С. 59-62.

4. *Андреев А.Ю.* Возникновение системы российских ученых степеней в начале XIX в / А.Ю. Андреев // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2015. № 1(62). С. 62-89.
5. Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. /Под ред. *Г.А. Бордюгова*. М., АИРО-XX, 1996. 464 с.
6. Исторические исследования в России–II. Семь лет спустя. / Под ред. *Г.А. Бордюгова*. М., АИРО-XX, 2003. 560 с.
7. Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / Под ред. *Г.А. Бордюгова*. М.: АИРО-XXI, 2011. 584 с.
8. Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под ред. *Г.А. Бордюгова*. М.: АИРО-XXI, 2013. 1520 с.
9. *Воробьева О.В.* Стандарты профессиональной деятельности в российских диссертационных исследованиях по истории 1995 – 2015 гг. // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию высшего исторического образования на Дальнем Востоке России, Владивосток, 16–17 октября 2018 года. Владивосток: Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 200-205.
10. *Воробьева О.В.* Эпистемологические основания профессиональной деятельности в российских диссертационных исследованиях по истории 1995 – 2015 // Омские научные чтения – 2018: Материалы Второй Всероссийской научной конференции, Омск, 10–15 декабря 2018 года / Отв. ред. *Т.Ф. Яшук*. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2018. С. 462-464.
11. *Гришина Н.В.* «...Диспут был реальным фактом и в реальной обстановке»: контуры диссертационной системы в 1920-е гг. / Н.В. Гришина // Диссертация по исто-

- рии в контексте Российской научной культуры XIX–середины XX вв.: опыт и перспективы изучения: сборник статей по итогам межрегионального научного семинара (вебинара), Челябинск, 18 ноября 2016 года / Челябинский государственный университет; Российское общество интеллектуальной истории; Челябинское отделение общества интеллектуальной истории. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2016. С. 88-98.
12. *Гришина Н.В.* «Работа... не является марксистской...», или Формирование канона экспертизы научных исследований в 1920-е гг. (на примере диссертации Н.М. Дружинина) / Н.В. Гришина // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 3(3). С. 48-54.
 13. *Заболотный Е.Б.* Историческая наука России в конце XX – начале XXI века: Учебный пособие для студентов специальности 020700 «История» / Е.Б. Заболотный. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2004. 208 с.
 14. *Загидуллина М.В.* Тематический анализ докторских диссертаций по специальности 10.01.10 – журналистика (обзор диссертаций 1992-2009 годов) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2010. Т. 2. № 6. С. 83-90.
 15. *Ильина К.А.* Практика рецензирования диссертаций по истории и филологии в университетах Российской империи первой половины XIX века // Диссертация по истории в контексте Российской научной культуры XIX – середины XX вв.: опыт и перспективы изучения: сборник статей по итогам межрегионального научного семинара (вебинара), Челябинск, 18 ноября 2016 года / Челябинский государственный университет; Российское общество интеллектуальной истории; Челябинское отделение общества интеллектуальной истории. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2016. С. 36-49.
 16. *Ильина К.А.* «Никто не может быть... профессором, не имея степени доктора»: дискуссии о докторской диссертации Андрея Угянского // Труды Кольского научного центра РАН. 2021. Т. 12. № 4(21). С. 73-80.
 17. *Ильина К.А., Галиуллина Р.Х.* Университет vs Министерство народного просвещения: академическая экспертиза и цен-

- зура диссертаций в середине XIX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 4. С. 15-24.
18. *Ильина К.А.* Траектории научной аттестации в российских университетах 1830-х годов: опыт защиты А. И. Чивилева // Диалог со временем. 2016. № 57. С. 169-187.
 19. *Козлова Л.А.* «Без защиты диссертации»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы / Л.А. Козлова // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 145–158.
 20. *Леонтьева О.Б.* Исследовательская культура российских историков в диссертациях по отечественной истории // Историки в поисках новых перспектив. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Аквилон», 2019. С. 159–205.
 21. *Леонтьева О.Б.* Методологические повороты рубежа XX–XXI вв. В практике современных диссертационных исследований по Отечественной истории // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ: Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, Барнаул, 24–26 сентября 2020 года / Науч. ред. Н.А. Матвеева. Отв. редактор Т.П. Сухотерина. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2020. С. 166-169.
 22. *Леонтьева О.Б.* Профессиональная рефлексия историка и канон научно-квалификационных исследований в современной Российской науке // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 3(50). С. 67-75.
 23. *Леонтьева О.Б.* Современные исследовательские стратегии в отечественной историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. № 9(42). С. 4.
 24. *Метель О.В.* Организация системы подготовки научных кадров в Коммунистической академии (на примере общественных наук) // Диссертация по истории в контексте Российской научной культуры XIX–середины XX вв.: опыт и перспективы изучения: сб. ст. по итогам межрегионального научного семинара (вебинара), Челябинск, 18 ноября 2016

- г. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2016. С. 98-109.
25. *Мировицкова А.А.* Докторская степень без защиты: случай С.Я. Лурье в 1934 г. // Диссертация по истории в контексте Российской научной культуры XIX–середины XX вв.: опыт и перспективы изучения: сборник статей по итогам межрегионального научного семинара (вебинара), Челябинск, 18 ноября 2016 г. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2016. С. 110-119.
 26. *Мироненко Е.С.* Российская аспирантура: до и после реформы // Социальное пространство. 2018. № 4 (16).
 27. *Огнев Д.А.* Тематика диссертаций по отечественной истории, защищённых в Томском государственном университете в 2012 – 2017 годах // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 6. С. 178-186.
 28. Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / *П.Ю. Уваров, И.И. Курилла, В.В. Тихонов* [и др.] // Российская история. 2013. № 1. С.3-32.
 29. *Попов Е.А.* Современное состояние философской науки в диссертациях // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 5. С. 136-145.
 30. *Пронин А.А.* Российская эмиграция в отечественных диссертациях 1980 – 2005 гг.: Библиометрический анализ. Deutschland: LAP LAMBERT, 2011. 480 с.
 31. *Путин В.В.* Выступление от 26.04.18. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57367> свободный.
 32. *Сашанов В.В.* «Так бывало в прежние времена...»: Е.А. Косминский о порядке защит диссертаций. Публикация выступления историка на заседании ученого совета ИИ АН СССР в 1946 г. // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 2. С. 172-176.
 33. *Скворцов А.М.* Из истории развития советской исторической науки в 1930-е–1940-е годы: защита докторской диссертации А.В. Мишулиным // Научный диалог. 2019. № 2. С. 296-310.
 34. *Хорошенкова А.В.* Исследования по истории СССР в вузах Нижнего Поволжья во второй половине XX в.: тенденции

- и противоречия // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 155-160.
35. *Хорошенкова А.В.* Состояние профессорско-преподавательского состава вузов СССР после Великой отечественной войны // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 561-570.
36. *Хут Л.Р.* Теоретико-методологические проблемы изучения истории нового времени в отечественной историографии рубежа XX – XXI вв. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Прометей», 2010. 702 с.
37. *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 763 с.